

УДК 316.4.06

Мерзаканов Сергей Айтечевич

кандидат социологических наук,
Туапсинский филиал РГГМУ
тел. (8616) 74-12-45

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ В РОССИИ И КРИМИНАЛЬНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ

Merzakanov Sergey Aitechevich

Candidate of Sociology,
Tuapse affiliate of RSHU
tel. (86167) 4-12-45

SOCIAL AND ECONOMIC CRISIS IN RUSSIA AND CRIMINAL SUBCULTURES

Аннотация:

Культура современной России насыщена свидетельствами экспансии криминальной субкультуры, проявления криминальной идеологии можно найти во многих сегментах духовной подсистемы жизни российского общества. В связи с этим необходимо отметить, что экспансия криминальной субкультуры через проникновение в государственный аппарат, через средства массовой информации и творческие произведения ведет к «заражению» общества ее идеалами, расширяя таким образом социальную базу криминальной среды, делает ее образ жизни привычным и привлекательным.

Ключевые слова:

социально-экономический кризис, криминальная субкультура, криминальная идеология.

The summary:

Culture of modern Russia is saturated with evidence of expansion of the criminal subculture, the manifestations of the criminal ideology can be found in many segments of the spiritual life of the subsystem of the Russian society. In this connection it should be noted that the expansion of the criminal subculture through a penetration in the state up preparations, through the media and creative writing leads to "contamination" of the society its ideals, thus broadening the social base of the criminal environment, makes it a lifestyle habit and attractive.

Keywords:

social and economic crisis, criminal subculture, criminal ideology.

Криминальное общество порождает свою криминальную субкультуру, которая является, по справедливому замечанию В. Ф. Пирожкова, основным механизмом криминализации молодежи, искажает или блокирует процесс социализации личности, стимулирует криминальное поведение. Культура современной России насыщена свидетельствами экспансии криминальной субкультуры, проявления криминальной идеологии можно найти во многих сегментах духовной подсистемы жизни российского общества. В связи с этим необходимо отметить, что экспансия криминальной субкультуры через проникновение в государственный аппарат, через средства массовой информации и творческие произведения ведет к «заражению» общества ее идеалами, расширяя таким образом социальную базу криминальной среды, делает ее образ жизни привычным и привлекательным.

Криминальная субкультура включает в себя традиции, жаргон, этику, эстетику, формальные и неформальные правила поведения («воровской» и «тюремный» законы). Сильное влияние криминальной субкультуры ощущается в бытовом поведении (лексика, манеры и т. д.), а также в искусстве, прежде всего в литературе, кинематографии и музыке. Особое место по криминализирующей значимости принадлежит жаргону, который выполняет несколько функций: коммуникативную, конспиративную и мировоззренческую. В нем закрепляются и передаются «из поколения в поколение» нормы, правила, принципы, традиции, установленные в криминальной среде. Жаргон объединяет, консолидирует говорящих на нем. Языковыми средствами он создает, формирует определенную картину окружающей действительности, систему нравственных и жизненных приоритетов человека. Под влиянием речевых средств меняется и система взглядов [1, с. 27].

Парсонс утверждал, что противодействия людей друг другу вообще избежать нельзя, но от этого общество не входит фатально в кризис и социальную вакханалию. Главное – чтобы работал механизм социального контроля, обеспечивающий неременное преимущество силам взаимодействия людей, что не исключает использование материальных, духовных, репрессивных и воспитательных средств. Стабильное развитие в конечном счете детерминируется общей системой ценностей, которая формирует единую мотивацию поведения, гармонизирует социальные роли через большинством разделяемые моральные ориентации. Применительно к современному российскому обществу можно утверждать, что преодолеть нынешнюю дезинтеграцию невозможно, если подавляющее большинство россиян не примет общую систему культурных ценностей. Это может быть только система ценностей, адекватная модели демократического свободного общества в его российской форме.

Ценностная детерминация социального поведения индивидов включает в себя три модуса ориентации: а) когнитивную (познавательную) ориентацию, опирающуюся на нормы, усвоенные индивидом в процессе социализации; б) эмоциональную ориентацию, предполагающую эмоциональную оценку значимости того или иного объекта для удовлетворения потребности на основе оценочных стандартов; в) моральную ориентацию, осуществляющую синтез ранее вынесенных суждений о способе действия. Она, по Т. Парсонсу, является своего рода «высшим апелляционным судом», выносящим вердикт о направленности действия в контексте сложившихся моральных стандартов.

К сожалению, в российском обществе неуклонно снижаются моральные стандарты. Как показывают результаты исследования, большинство москвичей неудовлетворительно оценивает состояние российского общества с точки зрения соблюдения норм морали и нравственности в повседневной жизни людей. 42 % полагают, что в этой области много проблем, 29 % считают ситуацию практически катастрофической. 21 % согласились с утверждением, что ситуация в целом нормальная, и только 2 % – с тем, что моральное состояние общества хорошее. При этом 58 % респондентов согласились с довольно жестким утверждением: «Мы живем в обществе корысти, бездуховности, нравственные нормы забыты и обесценены». Доля скорее или полностью несогласных с этим тезисом составила 36 %. Весьма пессимистичными выглядят и оценки последствий текущей нравственной ситуации в обществе. 66 % опрошенных полагают, что данное состояние может привести к серьезным социальным потрясениям в будущем [2].

Данные других социологических исследований также свидетельствуют о том, что за последнее десятилетие по большинству включенных в сопоставление позиций действительно наблюдается сужение сферы распространения моральных норм. В первую очередь это касается норм гражданской морали, опирающейся на честность и законопослушание. Наблюдается более снисходительное отношение и к такому противоправному поведению в социально-экономической сфере, как дача взяток и уклонение от налогов [3, с. 12].

Корни этого явления следует искать в том, что основу поведения индивидов был положен принцип противопоставления себя государству как «машине насилия». Отсюда население России перманентно обкрадывает свое государство, считая это «доблестью». Государство же, в свою очередь, пытается стеснить жизнь населения всеми возможными и известными ему способами. В ходе этой войны государства с населением неизменным арбитром (буфером) между ними выступает криминальное сообщество, которое берет на себя, помимо «работы по профилю», умиротворяющие функции или решает те проблемы населения, которые государство не может или не хочет решить. В результате складывается ситуация, когда криминалитет начинает срастаться с государственными структурами

(коррупция) и определенными слоями населения, которые составляют резерв организованных преступных групп (ОПГ) [3, с. 14].

Ценности, которые внедряются в общую идеологию из олигархического и криминального слоев, весьма эффективно влияют на реальное поведение населения. В отличие от парадных ценностей общенациональной культуры, они создают новые стандарты и моральные нормы, становящиеся частью обыденного сознания. Например, практический опыт и установки российских богачей, создавших свои состояния почти мгновенно, нанесли огромный урон этике труда молодого поколения, поскольку нелегальное происхождение этих состояний очевидно. Успехи преступного слоя и его идеологии размывают границы между законной и незаконной деятельностью в сознании населения, включая представителей высшей власти, которые, оправдывая свои незаконные доходы или действия, фактически используют уголовную логику.

Более того, в российских средствах массовой информации уголовники часто изображаются «хорошими парнями» и более эффективными предпринимателями, чем «законные» бюрократы. Это формирует и соответствующие стереотипы массового сознания. Другой индикатор влияния криминальной идеологии – массивное вторжение уголовного жаргона в повседневный лексикон «нормальных» людей, включая политиков самого высокого ранга. Подобного рода лексикой засорены ведущие каналы российского телевидения и радио. Криминальная идеология особенно пагубно воздействует на молодежь, которая рассматривает преступную профессию как «нормальную» и даже желательную. Она не безобидна и для высших чинов страны, так как криминальная лексика сама по себе оправдывает их пренебрежительное отношение к нормам и морали.

Нетрудно заметить, что отклонение от социокультурных норм вовсе не является достаточным критерием девиантного поведения. Не менее важен учет того, что общество в соответствии со своими культурными особенностями, ценностями выбирает определенные формы поведения и их расценивает как девиантные. Сам факт осуждения девиации является такой же ее «*differentia specifica*», как и факт нарушения норм [4, с. 124]. Оценка проводит границу между нарушениями норм, терпимыми со стороны общества, и особо отвергаемыми видами поведения. Девиация является, с одной стороны, своеобразной формой поведения, более того, образом жизни, жизненным стилем, а с другой стороны – общественным суждением, субъектом которого выступает культура общества, а объектом – сама форма поведения, а также ее носитель. В демократических обществах задачи, связанные с подобной оценкой, решаются в основном в институциональной сфере гражданского общества, тогда как в других обществах эта функция принадлежит, в первую очередь, представителям власти. Смысл оценки поведения как девиантного заключается не только в том, что она разграничивает привычное, культурно устоявшееся в данном обществе и порочное, вредное, неприемлемое, не имеющее права на статус некоего образца поведения. Оценка, отделяя неприемлемое с точки зрения общества, в то же время выступает определенным защитным актом, указывая на риски и опасности, грозящие индивидам на этом пути. Обрисовываемый ею круг форм поведения изменчив в зависимости от рассматриваемого общества. Но даже в одном и том же конкретном обществе этот круг не постоянен, а подвержен изменению в соответствии с обновлением культуры [4, с. 125].

Таким образом, тенденция общего снижения значимости различных моральных норм действительно существует, причем основную долю снижения дают нормы институционализированные, прежде всего, зафиксированные в законодательстве. Ю. А. Левада, рассматривая моральный облик современного россиянина, развивает концепцию принципиальной двойственности («двоемыслия») советского и постсоветского человека как со-

циально-антропологического типа, т. е. его способность придерживаться двух противоположных убеждений. В своих намерениях и действиях это – «человек лукавый». Сформированный эпохой принудительного единomyслия, по убеждению Ю. А. Левады, «советский» человек остается и надолго останется двойственным, приспособленным к отеческой заботе со стороны власти и готовым скорее к «единодушному» одобрению (или отрицанию), чем к ответственному действию и самостоятельной мысли [5, с. 26].

По справедливому замечанию А. Е. Крухмолева, важный аспект трансформации социетальных ценностей составляет обесценивание идеалов демократии. Необходимо в связи с этим отметить негативные последствия характерной для элиты 90-х годов XX в. переоценки роли демократии в обществе, которая понималась ею не только как желательная форма политического устройства, но и как самый адекватный путь установления более справедливого и эгалитарного общества. Через 10 лет слово «демократы» стало ругательным. Лишения, коррупция чиновников и политиков, очевидные промахи и ошибки лидеров, невыполненные обещания привели к дискредитации в глазах широких масс демократических идей и ценностей, к разочарованию в возможностях демократического пути развития для России. Практические результаты политических и экономических реформ сформировали у народа пессимистические настроения, недоверие ко всем демократически ориентированным политическим силам. Возникла ностальгия по советскому прошлому, по «сильной руке», что вновь вызвало рост авторитарных тенденций и настроений, получивших идеологическое оформление в признании неготовности российского общества к демократии, непригодности западных моделей политического устройства для России. Выяснилось, в частности, что формирование гражданского общества и правового государства предполагает длительный путь эволюционного развития, исключающий стремительный успех реформ. Институты демократического политического устройства не могут эффективно функционировать без опоры на гражданское общество и развитое правосознание рядовых акторов и их фактическое бессилие еще способствовало разочарованию масс в идеалах демократии. К тому же формальные демократические институты и правила игры не дали достаточных возможностей для реального включения в политические процессы основной массы населения, не обеспечили эффективного контроля над властью и ее подотчетности обществу. Результатом стало растущее отчуждение общества от политики и власти, равнодушие к исходу выборов всех уровней.

Происходящее сегодня снижение авторитета и доверия к органам власти и законам является следствием того, что в настоящее время большинство граждан ориентируются на свои частные интересы, а правовые механизмы, регулирующие процессы конкуренции частных интересов, еще недостаточно развиты. Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что усиление атомизации общества, в том числе и под видом беспредельной стихии рыночных отношений, способствует возрастанию роли индивидуалистических ценностей в сознании и поведении людей. Государство оказалось не готово к регулированию поведения граждан с индивидуалистической направленностью, к их попыткам сместить акценты при использовании государственных рычагов воздействия. Сложившаяся ситуация, характеризующаяся изменением природы государства, привела к трансформации правового поля и порождению противоречий между новыми законами, регулирующими рыночные взаимоотношения, и старыми, служащими инструментом манипуляции в руках бюрократии [6, с. 146].

Наиболее общими характеристиками общественно-политического устройства сегодняшней России можно считать: 1) неустойчивость и размытость социальной структуры; 2) очевидную и сугубо инструментальную консолидированность власти в противовес дезинтегрированному обществу; 3) значительное и патологическое отчуждение власти от

народа, частью которого она является сегодня только политико-географически; 4) низкое качество власти с точки зрения ее субъектности в социально-экономической модернизации общества; 5) осложненную вертикальную социальную мобильность и 6) отсутствие не только социального гаранта демократических преобразований как в лице политического и экономического субстрата, так и в виде широких («средних») социальных слоев, но и, по крайней мере, хоть какого-то выраженного субъекта диалога с властью.

Сохраняет свою устойчивость процесс социокультурной дезинтеграции, выражающейся в разрыве социокультурной преемственности, дискретности поколенческих опытов, утрате единого культурного кода социума, проблематизации социальной идентичности, идеологии, морали, традиций, дисфункциональности институтов, напрямую ответственных за социокультурную консолидацию общества.

Опыт постсоветской России показывает, что при отсутствии ответственной государственной власти не может быть защиты прав и свобод человека, реального верховенства обязательных для всех законов, не может существовать единое экономическое пространство и правовое государство. В стране не реализуются декларированные в новой Конституции Российской Федерации всеобщие права человека и гражданина, зато доминирует практика корпоративизма и номенклатурно-чиновничьих усмотрений. Сложившаяся ситуация способствовала созданию благоприятной среды для нарастания социальных, политических и национальных конфликтов, для роста экономической и иной преступности. Эти процессы сопровождаются криминализацией всех основных структур, отношений и форм жизнедеятельности государственной власти и общества, ростом правового нигилизма среди всех групп населения.

В настоящее время уважение к праву как личностно-ценностная ориентация вылилось уже в значимую научную проблему в контексте решения задач, стоящих перед гражданским обществом и правовым государством. Убежденность индивида в справедливости права предопределяет коренным образом его гражданскую активность, которая является высшим структурным элементом правовой культуры общества. Совокупность установок личности, обусловленных приобретенными ею знаниями и идеалами, личным социальным опытом, составляет основу оценки любых реформ, в том числе этических и правовых норм. Степень признания или отвержения личностью новых этических и правовых норм общественной жизни зависит от прошлого социального опыта и системы ценностных ориентаций. Нескольким поколениям россиян пришлось по 2–3 раза переосмысливать свои взгляды на лично прожитые ими в течение активной трудовой жизни этапы истории. Возникшая ситуация сложилась под влиянием многих факторов, в том числе сохранившихся в своей основе прежних мировоззренческих, философских установок, а также возникших уже в современных условиях мировоззренческого плюрализма и одновременно мировоззренческого вакуума [7, с. 180-181].

Кризис социетальных ценностей был важным звеном в общем процессе роста уровня кризисности современного российского общества. Отсутствие реальной ценностно-мировоззренческой основы для социальной интеграции вело к декомпозиции общих, частногрупповых и индивидуальных интересов, к отчужденности от общества властных структур, ставя российское общество в 90-е годы XX века на грань аномии.

Ссылки и примечания:

1. См.: Кочетков А. В. Проблемы противодействия криминальной идеологии в культуре: Криминологические и уголовно-правовые аспекты. М., 2002.

References (transliterated) and notes:

1. See: Kochetkov A. V. Problemy protivodeystviya kriminal'noy ideologii v kul'ture: Kriminologicheskie i ugovovno-pravovye aspekty. M., 2002.

2. Исследование было проведено 9–11 апреля 2005 г. силами двух подразделений Группы компаний Imageland – Департамента исследований и специальных проектов и call-центра «Горячие линии». В опросе приняли участие 1000 человек. Статистическая погрешность для подобных опросов составляет не более 4 %. (Дайджест материалов экспертного обсуждения темы «духовно-нравственное состояние современного российского общества». URL: www.imageland.ru/news/14_04_05.1.htm)
3. 10 лет российских реформ глазами россиян. Аналитический доклад. Подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации. Институт комплексных социальных исследований РАН. Российский независимый институт социальных и национальных проблем. М., 2002. С. 12.
4. См.: Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. СПб., 2000.
5. Левада Ю. А. От мнений к пониманию: социологические очерки, 1993–2000. М., 2000.
6. Крухмалев А. Е. Политическая социология: новые подходы к проблеме // Социологические исследования. 2000. № 2.
7. Рашева Н. Ю., Гомонов Н. Д. Ценность права в контексте системы ценностей современного российского общества // Вестник МГТУ. 2006. Т. 9. № 1.
2. The survey was conducted 11.9 in April 2005 by two divisions of the Group companies Imageland - Department of Research and special projects, and call-center "hot line". The survey involved 1000 people. The statistical error for such surveys is not more than 4%. (Digest of materials expert discussion topic "spiritual and moral state of modern Russian society". URL: www.imageland.ru/news/14_04_05.1.htm)
3. 10 let rossiyskih reform glazami rossiyan. Analiticheskiy doklad. Podgotovlen v sotrudnichestve s Predstavitel'stvom Fonda imeni Fridriha Eberta v Rossiyskoy Federatsii. Institut kompleksnyh sotsial'nyh issledovaniy RAN. Rossiyskiy nezavisimiy institut sotsial'nyh i natsional'nyh problem. M., 2002. S. 12.
4. See: Deviantnost' i sotsial'niy kontrol' v Rossii (XIX–XX vv.): tendentsii i sotsiologicheskoe osmyslenie. SPb., 2000.
5. Levada Y. A. Ot mneniy k ponimaniyu: sotsiologicheskie ocherki, 1993–2000, M., 2000.
6. Kruhmalev A. E. Politicheskaya sotsiologiya: novye podhody k probleme // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2000. No. 2.
7. Rasheva N. Y., Gomonov N. D. Tsennost' prava v kontekste sistemy tsennostey sovremennogo rossiyskogo obshchestva // Vestnik MGTU. 2006. Vol. 9. No. 1.